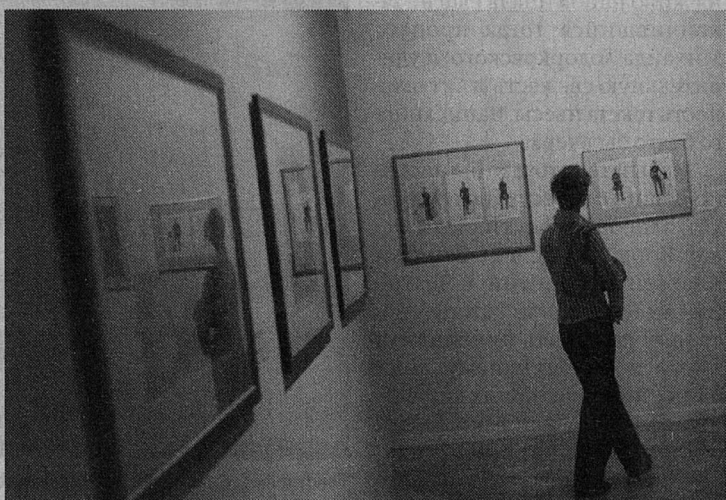

Венгерское зеркало русского двора

Михай Зичи дождался персоналки

Коммюнике 2. - 2005. - 16 ноября
выставка империя

- с. 21.

На выставке Зичи в пору пожалеть, что нынешние придворные художники предпочитают поражать заказчиков размерами произведений, а не акварельной тонкостью и качеством ФОТО НИКИТЫ ИНФАНТЬЕВА

Выставку Михая Зичи, венгра, умудрившегося послужить четырём российским императорам, в Эрмитаже открыли в последнем из парадных залов Невской анфилады Зимнего дворца, дабы продолжить «австро-венгерско-имперскую» тему, начатую в залах, занятых роскошной привозной выставкой «Вена и Будапешт на рубеже веков». Однако оказалось, что ни в какой специальной подпорке искусство Михая Зичи не нуждается: художник, пленивший некогда самого Теофиля Готье, и на современного зрителя действует завораживающе. Рассказывает КИРА ДОЛИНИНА.

По идее за такого художника, как Михай Зичи, должны были бы передрались все императорские дворы Европы. Это был подлинный певец придворной жизни, умудрявшийся фиксировать все, что только попадало ему на глаза: коронации, свадьбы, приемы, банкеты, балы, охоты, парады, мундиры, платья, лица, веера, обшлага... Он рисовал на веерах, делал игральные карты, вырисовывал мундиры и не гнушался дамских альбомов. То есть делал все, что полагалось придворному акварелисту. Вот только одно спасало Зичи от того, чтобы быть как все подобные художники: он был ироничен. И этой иронии хватало на то, чтобы прощать себе, мечтавшему о работах большого патристического жанра, придворную поденщину.

Михай Зичи оказался в России случайно. Он родился в 1827 году в Венгрии. Благородное происхождение (старшая ветвь его рода имела графское достоинство) на его биографию влияния не оказала. Зато художественное образование он получил — учился в первой в Пеште художественной школе у Джакомо Марастони, а затем стал брать уроки у знаменитого австрийца Фердинанда Георга Вальдмюллера, вскоре став его любимым учеником. Близость к учителю и привела Зичи в Россию. Сам Вальдмюллер не принял приглашения великой княгини Елены Павловны давать уроки живописи ее дочери, а ученика порекомендовал — в январе 1848 года Зичи приезжает в Петербург.

Молодой учитель бывших ему ровесницами девиц из дома Романовых — отличное начало придворной карьеры. Однако он нервничает, многочисленные заказы ему в тягость, а тут еще, как назло, венгерское восстание 1849 года — Николай I подписывает манифест в поддержку Австрии, русские входят в Венгрию, повстанцев утихомиривают, а редкий в Петербурге венгр, Зичи, оказывается не таким уже желанным гостем. Он теряет часть заказов и место при дворе, пробивается жанровыми

зарисовками и службой ретушера в Фотографии Венингена. Однако отлучение от двора не было долгим: уже в 1852–1853 годах он преподносит императору пару юмористических рисунков, изображающих офицеров за туалетом, — рисунки понравились, и Зичи получил заказы, сперва на хронику нескольких дней при дворе в Гатчине, а затем на два альбома офицеров лейб-гвардии конно-пионерского дивизиона и конной гвардии. Дальше — больше. Императоры будут меняться, но Зичи останется при дворе почти что неизменным. Главные придворные заказы (на коронационные альбомы), звание академика, звание придворного живописца, мастерская в Новом Эрмитаже, отличное жалованье, ордена, персональные выставки под патронажем членов императорской фамилии... Вроде у художника было все, что надо. Но в 1873 году он подает прошение об отставке и уезжает в Европу. Сначала в Будапешт, потом в Париж, выставляется в Салоне, берет учеников, путешествует по Кавказу — и возвращается в Петербург. Место придворного художника опять за ним — и так до смерти, до 1906 года.

После Зичи в России осталось немыслимое количество его работ. Большая часть хранится в Эрмитаже. На выставке представлено всего 100 — маловато для того, чтобы представить все типы творчества художника, но достаточно для того, чтобы понять, как именно он с ними обходился. Так, например, в Эрмитаже не выставили ничего из огромного корпуса эротических картинок Зичи — жаль, конечно, они очень хороши, но не беда: представить себе, как именно они сделаны, очень просто. Секрет восхитительного мастерства Зичи в преодолении скучноватой вообще-то работы придворного хроникера в том, что для него любой объект равноценен. И коронация, и дипломатический прием, и фигурки на картах, и рисунок для дамского веера — все сделано не только одной рукой, но с одним отношением. Выражение лица героя равно рисунку складок на его платье, розан на веере равен линиям строя на военном параде, Красное крыльцо на коронации ничем не значительнее дерева на охоте. Поток ярких, радостных, смешных, наивных, красивых картинок из красивой жизни в такой ситуации становится единым, и при этом документальная ценность этих изображений нарочито декорированного бытия — едва ли не большей. Ведь здесь нет мелочей. А в правдивости Зичи сомневаться не приходится: придумывать ему было неинтересно, да и получалось это у него плоховато.